

ИЗЪ БУМАГЪ ИР. И. ВВЕДЕНСКАГО.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Имя Иринарха Ивановича Введенскаго, извѣстнаго литератора 40-хъ годовъ и переводчика сочиненій Диккенса и Теккерея, впервые основательно ознакомившаго русскую публику съ англійскою литературою,—до сихъ поръ живетъ въ памяти многихъ старыхъ писателей, какъ имя замѣчательнаго чловѣка во многихъ отношеніяхъ. Покойный М. П. Погодинъ, подъ вліяніемъ котораго Введенскій воспитанъ, уже много лѣтъ спустя послѣ смерти своего питомца-сотрудника, обозвалъ его *родоначальникомъ нигилизма* въ Россіи — обвиненіе, противъ котораго возстали тогда всѣ знакомые Введенскаго, и которое не подтверждается его многочисленными бумагами и письмами, разборомъ которыхъ мы тщательно занялись.

Эти бумаги и эти письма, послѣ смерти Введенскаго, долго лежали подъ спудомъ и только черезъ 30 лѣтъ собраны были сыномъ покойнаго и доставлены намъ для разбора и напечатанія того, что въ нихъ есть замѣчательнаго.

Время, отъ котораго успѣли пожелтѣть листья толстой сѣрой бумаги, отняло у этихъ тетрадей, конечно, не мало интереса; но и теперь для характеристики пережитой эпохи нѣкоторыя отрывки изъ бумагъ не лишены значенія.

Къ сожалѣнію изъ массы уцѣлѣвшихъ записокъ, статей и писемъ, нельзя построить ничего цѣлаго, и вотъ почему мы находимъ необходимымъ приступить къ разбору бумагъ, руководствуясь по преимуществу хронологическою точкою зрѣнія.

I.

Къ Сенковскому *). 1843-44

Позвольте, Бога ради, высказать вамъ мое положеніе: оно, честию увѣряю, такъ ужасно и такъ занимательно, что могло-бы сдѣлаться сюжетомъ самаго назидательнаго романа.

Въ 1838 году я оканчивалъ курсъ въ духовной академіи. Мнѣ было тогда двадцать три года. Проникнутый ненавистью къ семинарскому образованію, я рѣшился пожертвовать всѣми его годами, и за шесть только мѣсяцевъ до полученія степени магистра православной теологіи, я рѣшился бросить академію стѣнъ, чтобы поступить въ университетъ. Выходка безразсудная, разъ навсегда сгубившая мою жизнь; но тогда я смотрѣлъ на вещи не такъ, какъ теперь: не то, чтобы свѣтъ за монастырскими стѣнами представлялся мнѣ съ одной блистательной стороны, и не то, чтобы не понималъ я трудностей избраннаго пути; но я слишкомъ надѣялся на свои силы и былъ увѣренъ, что выйду побѣдителемъ изъ предстоящей борьбы. И такая увѣренность, конечно, весьма естественна въ молодомъ человѣкѣ, у котораго въ то время были гибкій умъ, живое воображеніе, прекрасная память и, при этихъ способностяхъ, ненасытная жадность къ познаніямъ. Увы, теперь одно воспоминаніе осталось объ этихъ дарахъ Божіихъ, и въ тридцать лѣтъ я уже долженъ смотрѣть столѣтнимъ старикомъ. Первымъ слѣдствіемъ омерзительной нищеты, встрѣтившей меня по выходѣ изъ монастырскихъ стѣнъ, была ужасная болѣзнь, которая семь мѣсяцевъ продержала меня въ одной изъ московскихъ больницъ. Я выздоровѣлъ, то есть, получилъ возможность ходить; но боль въ груди, отдышка, шумъ въ ушахъ остались всегдашними спутниками моей жизни, и съ этими-то ужасающими вѣстниками вѣроятной смерти я долженъ былъ начать свою университетскую карьеру. Не смѣю вамъ описывать своей университетской жизни,—это слишкомъ длинная исторія; но вы легко повѣрите, если скажу, что безъ вашего содѣйствія я бы не кончилъ курса и не имѣлъ бы имени кандидата.

Однакожь, какую пользу принесло мнѣ это университетское образованіе и несчастная кандидатская степень? Правда, я сдѣ-

---

*) Это письмо, очевидно, было писано по переѣздѣ Введенскаго изъ Москвы (отъ Погодина) въ Петербургъ.

лался немного ученѣе и въ нѣкоторыхъ вещахъ даже слишкомъ ученѣе; но чортъ-ли мнѣ въ этой эрудиціи, когда я не могу сдѣлать изъ нея никакого употребленія для жизни? Что мнѣ въ ней, когда въ обществѣ, во всякомъ безъ исключенія обществѣ, я становлюсь какимъ-то страннымъ болваномъ, безъ ума, безъ мысли, даже безъ языка? Прежде, по крайней мѣрѣ, я принадлежалъ къ извѣстному сословію и могъ въ немъ занимать свое мѣсто, а теперь, оторванный отъ всего свѣта, исключившій себя изъ всѣхъ обществъ, я сталъ какимъ-то особнякомъ, для котораго нѣтъ названія на человѣческомъ языкѣ.

Точно, продолженіе ученыхъ занятій могло бы разцвѣтить остатки моей жизни; судьба не оставила мнѣ и этого утѣшенія. Промучившись 20 лѣтъ въ учебныхъ заведеніяхъ, убивъ въ нихъ всю свою жизнь, я получилъ въ награду ненавистное право играть роль шарлатана въ военныхъ заведеніяхъ *), гдѣ имѣю честь преподавать риторику, логику, эстетику, психологію, то есть, пѣлую стаю химерическихъ наукъ, выдуманнхъ для подавленія мысли. Въмѣсто удовольствія слѣдить за развитіемъ молодыхъ умовъ, я обреченъ на муку видѣть каждый день, какъ самъ же я засариваю всякою гадостью ихъ мозгъ **). Въ лучшихъ ученикахъ моихъ я вижу будущихъ обличителей своего шарлатанства, которые современемъ проявляють меня лично такъ же, какъ я проявляю людей, испортившихъ мое сердце и умъ. Не знаю, что можетъ быть ужаснѣе всѣхъ этихъ пытокъ, которыя терплю я за полторы тысячи годового жалованья съ вычетомъ на invalidы!

Однакожь и тутъ, при средствахъ, была бы возможность сдѣлаться не шарлатаномъ. Спору нѣтъ, что такъ называемая теорія русской словесности есть самая пустая теорія; но дайте мнѣ средства, и я докажу, что эта теорія самая любопытная и самая полезная вещь. Всякому извѣстно, что въ литературѣ нашей нѣтъ ни одного явленія, которое бы не стояло въ самой тѣсной связи съ какою нибудь изъ иностранныхъ литературъ. Слѣдовательно, чтобы дѣлать понятными наши литературныя произведенія

*) Въ послѣдствіи Введенскій занималъ видную должность главнаго наблюдателя за преподаваніемъ словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ подъ начальствомъ Я. И. Ростовцева. Самоуниженіе его относительно знаній своихъ—послѣдствіе семинарскаго пессимизма. *Ред.*

***) Онъ былъ лучший преподаватель. Это опять пессимизмъ. *Ред.*

и оцѣнить ихъ относительное достоинство, необходимо всякій разъ дѣлать справки съ литературами иностранными; а въ такомъ случаѣ, какое огромное и въ то же время благородное поприще отърывается для преподавателя русской словесности! Его первая, непремѣнная обязанность—изучить древніе и новыя языки и прослѣдить ходъ умственного развитія во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Тогда, и только тогда, онъ можетъ надѣяться на основательное изученіе и собственной словесности, которая при этомъ случаѣ отнюдь не будетъ представлять безсвязнаго сброда нелѣпой болтовни, часто не имѣющей никакого смысла. Разумѣется, при такомъ взглядѣ моя теорія приняла бы всеобщее историческое значеніе; но мнѣ до этого не было бы никакого дѣла: подъ перомъ или подъ языкомъ моимъ могла бы оживиться самая риторика, когда бы я показалъ, какъ и зачѣмъ именно такъ, а не иначе, понимали ее Цицеронъ и Квинтилианъ, оживилась бы даже проявлятая эстетика, когда бы я нашелъ ея слѣды въ Платонѣ и Лонгинѣ.

Такъ смотрю я на свою обязанность, но только смотрю, а не дѣйствую, потому что не имѣю рѣшительно никакихъ средствъ. Всѣ библиотеки для меня закрыты, а покупать книги на свои деньги есть-ли какая возможность при полуторѣ тысячахъ жалованья съ вычетомъ на инвалидъ? Притомъ я убѣжденъ еще, и убѣжденъ глубоко, что для основательнаго изученія литературъ иностранныхъ необходимо путешествіе по западной Европѣ.

Путешествіе!.. Повѣрите-ли, если скажу, что мысль о путешествіи заронила въ мою душу еще въ дѣтствѣ? Я былъ десятилѣтнимъ ребенкомъ, когда прочелъ «Письма русскаго путешественника!» Этому сочиненію Карамзина обязанъ я и отрещеніемъ отъ семинарскаго, закрытаго образованія, и мыслью о путешествіи, которая въ теченіи времени постоянно во мнѣ укоренялась. И теперь, когда исчезли почти всѣ мечты моей молодости, только одна мысль о поѣздкѣ въ чужіе края еще ярко горитъ въ душѣ моей.

Впрочемъ, если бы ни Карамзинъ, ни ясно понятая цѣль образованія, не внушили мнѣ этой мысли, уже одно состояніе моего здоровья могло бы заставить меня искать всѣхъ возможныхъ средствъ для отъѣзда за границу. Въ то время, какъ я имѣлъ честь быть вашимъ сотрудникомъ, вы постоянно бранили меня за неаккуратность и не разъ называли лѣнливымъ. О, если

бы знали вы, что было причиною этой неаккуратности! Если бы знали, какъ легко мнѣ работать съ постояннымъ шумомъ въ ушахъ, съ болью въ груди, съ постоянной отдышкою! Не желаю и смертельнымъ врагамъ своимъ испытывать этой мучительной тоски, этого адскаго отчаянія, которое такъ часто тяготитъ бѣдную мою душу. И кто бы на моемъ мѣстѣ могъ избѣжать этой тоски, если бы даже не происходила она изъ одного начала съ болѣзнью? Какъ не придти въ отчаяніе, когда колокольный звонъ въ обоихъ ушахъ постоянно препятствуетъ разработкѣ въ мозгу самыхъ простыхъ мыслей? А между тѣмъ куда, въ какое общество могъ бы я дѣваться съ своимъ внутреннимъ адомъ? Если, наконецъ, ко всему этому прибавить внѣшнія непріятности, съ которыми судьба такъ часто меня сталкиваетъ, то, согласитесь, не было ничего естественнѣе, какъ искать забвенія своего горя въ ничтожныхъ средствахъ, доставленныхъ семинарскимъ воспитаніемъ.

Вы видите, я говорю объ этихъ вещахъ, какъ о прошедшемъ: это значитъ, что онѣ въ самомъ дѣлѣ сдѣлались прошедшими, и теперь, если нужно, я могу выставить себя за образецъ такой незазорно-чудовищной нравственности, какую едва-ли еще можно сыскать въ живомъ человѣкѣ тридцати лѣтъ. Я не хожу никуда, незнакомъ ни съ кѣмъ, отказываю себѣ во всемъ и по окончаніи ненавистныхъ дѣлъ по службѣ, всегда возвращаюсь домой, чтобы заниматься греческимъ и латинскимъ языками. Среди вѣчнаго движенія милліона людей я живу все равно какъ въ пустынѣ, или какъ въ подземельѣ: ничего не знаю, что дѣлается вокругъ меня, ни въ чемъ не принимаю никакого участія, ничему не радуюсь, но уже ничѣмъ почти и не печалюсь. Мертвецъ одинъ нравственнѣе меня. И я былъ бы мертвецомъ, если бы еще мысль о магистерскомъ экзаменѣ, а потомъ о поѣздкѣ за границу, не придавали мнѣ нѣкоторой дѣятельности.

Но вы, вѣроятно, давно смѣтаетесь, вообразивъ это фантастическое путешествіе; однакожь, я смѣю увѣрить, что фантастическаго тутъ не было бы ничего, если бы получилъ я это проклятое латинское мѣсто въ гимназіи, о которомъ теперь такъ хлопоту: жалованья, полученнаго за пятнадцать мѣсяцевъ, было бы довольно, чтобы прожить полгода въ Парижѣ и полгода въ Лондонѣ, а что я сберегъ бы это жалованье, въ этомъ порука—моя

настоящая жизнь, къ которой я начинаю привыкать, какъ медвѣдь въ берлогѣ.

Но и то несомнѣнно, что если дѣла мои пойдутъ все такъ же, какъ теперь идутъ, то не далѣе, какъ черезъ три года, считая съ 1844, я уничтожу себя, и вы, конечно, согласитесь, что мнѣ небольшого труда будетъ стоять раскроить себѣ лобъ: это можно сдѣлать и безъ протекціи.

II.

Въ Совѣтъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Отъ кандидата философіи,
коллежскаго ассесора Введенскаго

ПРОШЕНІЕ.

Окончивъ въ 1842 году университетскій курсъ по первому отдѣленію философскаго факультета, я имѣлъ намѣреніе держать экзаменъ на степень магистра по русской словесности. Непредвидѣнныя обстоятельства, не зависѣвшія отъ моей воли, отвлекли меня отъ этого намѣренія. Тѣмъ не менѣе однакожь, занимаясь постоянно преподаваніемъ словесности, я считалъ своей обязанностію разрабатывать этотъ предметъ сообразно съ современными требованіями науки. Дѣйствуя подъ вліяніемъ этой мысли, я старался предварительно прослѣдить литературу теорій словесности, появившихся въ древнее и новое время. Мои изслѣдованія, начавшіяся съ Аристотелевой риторики и политики, привели меня къ заключенію, что теорія словесности у грековъ и римлянъ была непосредственнымъ и самымъ правильнымъ логическимъ выводомъ изъ жизни этихъ народовъ, отразившейся въ ихъ литературѣ, и что, съ другой стороны, новѣйшія теоріи, образовавшіяся въ XVII и XVIII вѣкахъ, были плодомъ неправильнаго подражанія Аристотелю, Цицерону и Квинтилиану. Эти результаты окончательно убѣдили меня въ необходимости исторической методы при постройкѣ современной теоріи прозы и поэзіи, и сообразно съ этимъ взглядомъ, я старался по возможности разрабатывать свой курсъ словесности, читаемый мною въ артиллерійскомъ училищѣ и дворянскомъ полку.

Съ этою педагогическою дѣятельностію я постоянно старался соединить и свои литературныя занятія. Въ «Библіотекѣ для чте-

нія» впродолженіи 1841 и 1842 года, были между прочимъ въ отдѣлѣ критики, напечатаны мои статьи: разборъ записокъ Котошихина: «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», разборъ первыхъ двухъ томовъ историческихкихъ актовъ, изданныхъ археографическою комиссіею; разборъ «Сказаній князя Курбскаго», изданныхъ профессоромъ Устряловымъ; разборъ *Historica Russiae et Monumenta*, изданныхъ Тургеневымъ. Въ послѣдующихъ годахъ, изъ многихъ другихъ моихъ статей, помѣщены въ этомъ журналѣ: новыя толки объ *Иліадѣ* и *Одиссее* и въ октябрьской книжкѣ «Современника» за 1844 г. былъ напечатанъ мой разборъ книги г. Милюкова: «Очеркъ исторіи русской поэзіи». Сдѣлавшись съ 1848 года сотрудникомъ «От. Записокъ», я между прочимъ напечаталъ въ этомъ журналѣ: разборъ «Учебника русскаго языка» составленнаго г. Александромъ Смирновымъ; разборъ «книги для чтеній и упражненій въ словесности», изданной въ Петербургѣ въ 1846 г., разборъ рѣчи профессора Зеленецкаго «О свойствахъ русскаго языка», и разборъ «Историко-филологическихкихъ изслѣдованій» П. Билярскаго.

Напечатанная въ прошломъ году въ «Сѣверномъ Обзорѣніи» моя статья «о Державинѣ» есть не иное что, какъ отрывокъ изъ моего курса «Исторіи русской литературы», составленіемъ коего я занимался постоянно впродолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ. Въ этомъ же журналѣ я напечаталъ свою статью о Тредьяковскомъ.

Эти литературные труды могутъ служить доказательствомъ, что въ области русской словесности я не пропускалъ замѣчательныхъ явленій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ моей наукѣ. Между тѣмъ, продолжая заниматься изслѣдованіемъ русскихъ литературныхъ памятниковъ XVIII и XIX вѣка, я пришелъ мало-по-малу къ заключенію, что нѣкоторые изъ нихъ не могутъ быть объяснены удовлетворительнымъ образомъ безъ предварительнаго изученія англійской литературы, вліяніе которой на нашихъ писателей становится замѣтнымъ еще со второй половины XVIII вѣка. Желая точнѣе опредѣлить это вліяніе, я принялся, съ 1847 года, за изученіе англійскаго языка и литературы. Плоды этого изученія отчасти извѣстны русской публикѣ. Въ 1847 г. напечатанъ въ «Библиотикѣ» для чтенія мой разборъ «Очерка исторіи англійской литературы», составленнаго г. Шоу (Shaw) Большая часть статей объ англійской литературѣ, напечатанныхъ въ «От. Запискахъ» впродолженіи 1848 и 1849 г. при-

надлежать мнѣ. Изъ нихъ публика вѣроятно замѣтила мою статью «о сочиненіяхъ В. Теккерея», съ которымъ я первый познакомилъ русскую литературу; мнѣ также принадлежитъ разборъ книги г. Гасфильда («англійскіе уроки»), помѣщенный въ этомъ журналѣ.

Кромѣ этихъ и другихъ оригинальныхъ статей, помѣщавшихся въ разныхъ журналахъ, я занимался также переводами съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ. *Публика знаетъ, что это мои англійскіе переводы, подъ которыми съ 1847 года выставляется моя фамилія.* Съ того времени перевелъ я: «Торговый домъ подъ фирмою: Домби и сынъ,» романъ Диккенса, печатавшійся въ «Современникѣ» впродолженіи 1847 и 1848 года. Въ «От. Запискахъ» съ 1848 г. напечатаны переведенные мною романы: «Дирслэйеръ», сочиненіе Купера, «Договоръ съ привидѣніемъ» Диккенса, «Дженни Эйръ» Карреръ-Белля (съ которымъ я первый познакомилъ русскую публику), «Базаръ житейской суеты» Теккерея и наконецъ «Замогильныя записки пикквильскаго клуба», романъ Диккенса, оканчиваемый мною въ настоящее время. Литературная критика до-сихъ-поръ не дѣлала никакихъ отзывковъ объ этихъ трудахъ, но я убѣжденъ и могу доказать положительными фактами, что въ моихъ *только переводахъ Диккенсъ впервые началъ выражаться по русски достойнымъ его языкомъ.*

На основаніи всѣхъ этихъ педагогическихъ и литературныхъ занятій, принимаю на себя смѣлость обратиться къ совѣту императорскаго с.-петербургскаго университета, съ покорнѣйшею просьбою о включеніи меня въ число претендентовъ на открывшуюся при университетѣ кафедру адъюнктъ-профессора русской словесности; экзамень на степень магистра, необходимую для занятій этой кафедры, я готовъ держать немедленно по назначенію факультета. *)

III.

Письмо къ Я. И. Ростовцеву.

Ваше Превосходительство!

При всѣхъ усиліяхъ разгадать сущность взведеннаго на меня обвиненія или подозрѣнія, я никакъ не могу его объяснить до-

*) На эту-же кафедру былъ и другой конкурентъ, которому она и досталась, такъ какъ на счетъ И. И. Введенскаго возникли сомнѣнія, которыя отчасти разъясняются ниже-приводимымъ письмомъ. Ред.

ступными для меня средствами. Кажется, впрочемъ, обвиняють или подозрѣваютъ меня въ какомъ-то либерализмѣ или въ злонамѣренномъ распространеніи мнѣній, противныхъ существующему ходу вещей. На это честь имѣю объяснить Вашему Превосходительству:

Во-первыхъ, въ положеніи наставника юношества, вѣреннаго мнѣ высшимъ начальствомъ, я считаю дѣломъ недобросовѣстнымъ и даже безчестнымъ распространять между молодыми людьми такія мнѣнія, которыя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, могутъ противорѣчить предписаніямъ высшей власти, удостоившей меня своимъ довѣріемъ.

Во-вторыхъ, если бы даже и было у меня желаніе распространять какія-нибудь мнѣнія, противныя существующему ходу вещей, то я не могъ бы привести въ исполненіе это желаніе по той простой причинѣ, что, при своемъ положеніи ученаго труженика, я не имѣю, и не могу имѣть подобныхъ мнѣній. Принявъ на себя обязанность преподавать молодымъ людямъ русскую словесность во всемъ ея объемѣ, я поставилъ для себя цѣлю изучить этотъ предметъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Перечитавъ все, что написано по этому предмету на русскомъ языкѣ, я въ то же время со всѣмъ усердіемъ изучалъ памятники древней и новой литературы, сличая ихъ, сколько позволяли средства, съ тѣми первоначальными источниками, откуда они взяты. Плодомъ этого изученія, соединеннаго во многихъ случаяхъ съ истиннымъ самоотверженіемъ, была мысль — сообщить своей наукѣ историческое направленіе, которое одно только, по моему убѣжденію, можетъ быть плодотворнымъ для молодыхъ людей. Подъ вліяніемъ этой мысли я, до настоящаго времени, разработалъ нѣкоторые отдѣлы теории словесности, и между прочимъ «Трактатъ объ эпической поэзіи», отлитографированный для моихъ учениковъ въ нынѣшнемъ году. При этомъ, само собою разумѣется, я не смѣлъ отступать отъ предложенной программы, тѣмъ болѣе, что, въ сущности дѣла, она не противорѣчила моему образу мыслей. Когда между тѣмъ, въ нынѣшнемъ году, изданы были «Наставленія» господина начальника штаба, мнѣ пріятно было убѣдиться, что мнѣнія мои относительно методы изложенія русской словесности, совершенно сообразны съ тѣми предписаніями, которыя изложены въ книгѣ, расслужившей Высочайшее одобреніе. Между тѣмъ, продолжая разрабатывать памятники новѣйшей русской литературы, я по-

степенно пришелъ къ мысли относительно обширнаго вліянія, какое, въ послѣднее время, англійскіе писатели оказали на русскую литературу. Подъ вліяніемъ этой мысли, я предложилъ себѣ задачу—опредѣлить отношеніе англійской литературы къ русской, и въ то же время изучить англійскихъ писателей XVIII и XIX вѣка. Трудность задачи не испугала меня. Въ половинѣ 1847 года, тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, я принялся изучать англійскій языкъ, съ которымъ до той поры былъ почти вовсе незнакомъ. Плодомъ этого изученія былъ прежде всего переводъ мой огромнаго диккенсоваго романа—«Домби и сынъ», который былъ напечатанъ въ «Современникѣ» за 1848 годъ. Затѣмъ, едва окончивъ этотъ трудъ, я перевелъ и напечаталъ романъ Купера—«Дирслэйеръ», и послѣднюю повѣсть Дикенса. Продолжая заниматься этими переводами, я въ то же время написалъ десятка два оригинальныхъ критическихъ статей по обзору англійской и русской литературы, такъ что всего, въ послѣдніе два года, я напечаталъ до трехъ тысячъ страницъ.

Если къ этому, Ваше Превосходительство, присоедините мои постоянныя занятія по службѣ, въ дворянскомъ полку, артиллерійскомъ училищѣ и во второмъ корпусѣ, мою женитьбу въ прошломъ году и мои семейныя несчастія, отчасти Вамъ извѣстныя, то будетъ, я полагаю, совершенно очевиднымъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ тружениковъ науки, которые живутъ и могутъ только жить въ своемъ ученомъ кабинетѣ, среди своей семьи. Никакія связи, никакія общества, и даже почти никакія знакомства для меня не существуютъ. Затворникъ въ полкомъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ этого слова, я провожу свое время или въ классной залѣ между учениками, или въ своемъ кабинетѣ, съ перомъ или книгою въ рукахъ, отъ ранняго утра до глубокой ночи.

Какъ же, и по какому поводу, люди, подобные мнѣ, могутъ быть заподозрѣны въ злонамѣренномъ либерализмѣ? Не подозрѣній ожидалъ я за свои неутомимые труды и за то плодотворное направленіе, которое я, первый между преподавателями словесности, сообщаю своей наукѣ...

Если бы еще я былъ преподавателемъ политической науки, такое обвиненіе могло бы по крайней мѣрѣ имѣть какой-нибудь смыслъ; но здѣсь, когда дѣло идетъ о добросовѣстномъ, ученомъ изслѣдованіи памятниковъ русской литературы, я никакъ не могу постигнуть смысла такого обвиненія или доноса. Спору нѣтъ,

зловредныя мнѣнія могутъ быть распространяемы независимо отъ кадой бы то ни было науки; но такое предположеніе, въ отношеніи ко мнѣ, опять будетъ имѣть характеръ клеветы, и притомъ дурно разсчитанной клеветы, именно потому, что, по своему образу жизни и занятій, я не могъ составить для себя такихъ мнѣній. Ни политика, ни религія, не входятъ въ область моей науки, а у меня нѣтъ ни времени, ни средствъ заниматься посторонними предметами. Впрочемъ, предположивъ даже для себя полную возможность слѣдить за ходомъ политическихъ предметовъ, я глубоко убѣжденъ, мой образъ мыслей ни въ какомъ случаѣ не былъ бы въ разладѣ съ коренными началами развитія жизни русскаго народа. Тотъ долженъ быть глупецъ, или человѣкъ злонамѣренный, не любящій Россіи, кто желаетъ для своего отечества перемѣнъ, подобныхъ тѣмъ, которыя обуреваютъ въ настоящее время западную Европу... Этого нельзя не видѣть даже преподавателю словесности, который очень хорошо знаетъ, что русская литература, со времени Петра I, одолжена главнѣйшимъ образомъ своими успѣхами просвѣщенному содѣйствію и вниманію русскаго правительства. Я не могу думать о Ломоносовѣ, не думая въ то же время о Елизаветѣ, которая взыскала его своими милостями; съ именемъ Державина, въ моемъ воображеніи соединяется державное имя великой Екатерины, безъ которой Россія не имѣла бы «Исторіи государства россійскаго», точно также какъ Пушкинъ не совершилъ бы и половины своихъ трудовъ, если бы не былъ поощряемъ Высочайшимъ вниманіемъ къ его таланту. Все это для меня—факты ясные, осизательные, которыхъ не можетъ не видѣть моя наука, и которые со временемъ будутъ изложены въ моей «Исторіи русской литературы», какъ скоро буду имѣть средства ее напечатать.

Впрочемъ, еще разъ: я не постигаю сущности доноса, взведеннаго противъ меня; но во всякомъ случаѣ объявляю, что этотъ доносъ—клевета, гнусная, бессмысленная клевета, которая могла быть выдумана или слѣпою злобой, или, что гораздо вѣроятнѣе, мелкою завистію.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

Честь имѣю быть

Вашего Превосходительства

Покорнѣйшимъ слугою

Ир. Введенскій.

IV.

**Отчетъ главнаго наблюдателя Введенскаго о посѣщеніи
имъ въ московскихъ корпусахъ классовъ русскаго
языка и словесности.**

По приѣздѣ моемъ въ Москву 25 истекшаго марта, я отправился утромъ на другой день въ Александринскій сиротскій корпусъ. Уроки русскаго языка давалъ въ тотъ день г. Красовъ. Въ приготовительномъ классѣ ученики его, по моему вызову, читали наизусть стихотворенія, приспособленныя къ ихъ понятіямъ и разные прозаическіе отрывки. Способъ чтенія, легкій, непри-
нужденный и сопровождаемый правильными переливами голоса, служилъ яснымъ доказательствомъ, что дѣти понимаютъ сущность и значеніе каждой произносимой ими фразы. Это подтвердилось окончательно, когда они стали своими словами рассказывать содержаніе того, что было ими прочтено и выучено наизусть. Такіе дѣтскіе рассказы должны были привести меня къ заключенію, что преподаватель съ полнымъ успѣхомъ объяснялъ своимъ маленькимъ слушателямъ внѣшнюю и внутреннюю связь между мыслями, заключающимися въ извѣстномъ стихотвореніи, или, прозаическомъ отрывкѣ. Разборъ отдѣльныхъ фразъ, этимологи-
ческой и синтаксической, вполне подтвердилъ такое предполо-
женіе: открылось изъ этого разбора, что дѣти уже основательно познакомились съ главнѣйшими законами и положеніями грамматики природнаго языка. Это оказалось още очевиднѣе, когда дѣти, по моему вызову, начали писать подъ диктовку на доскѣ: никто изъ писавшихъ не сдѣлалъ ни одной ошибки противъ ортографіи, и каждый удовлетворительно объяснялъ, почему онъ пишетъ такъ, а не иначе. При этихъ объясненіяхъ, г. Красовъ предложилъ нѣсколько вопросовъ изъ исторической грамматики, и ученики его представили весьма удовлетворительные отвѣты. Въ приготовительномъ классѣ это уже слишкомъ много, и я замѣтилъ г. Красову, не преждевременно ли онъ вдается въ такія филологическія тонкости съ маленькими дѣтьми. Г. Красовъ отвѣчалъ, что на всю эту филологическую роскошь онъ употребляетъ не болѣе двухъ недѣль въ году, что дѣти между-тѣмъ гордятся такими, легко пріобрѣтенными, свѣдѣніями, и что такая благородная гордость всего лучше ручается за ихъ любознательность и дальнѣйшіе успѣхи. Противъ этого говорить было нечего.

Результатъ экзамена въ первомъ общемъ классѣ былъ столько же блистателенъ, какъ и въ приготовительномъ. Оказалось, что дѣти отлично ознакомились со всѣми пунктами грамматической программы, утвержденной для преподаванія въ высшемъ академическомъ году. Но изучивъ подробно излагаемую имъ грамматику, они находили довольно времени учить наизусть стихотворенія и прозаическія отрывки. Сверхъ того, въ продолженіи года, были имъ предлагаемы легкія темы для сочиненій. Подъ диктовку въ этомъ классѣ заставлялъ я писать отличныхъ учениковъ, посредственныхъ и тѣхъ, которые были отрекомендованы слабыми: всѣ, безъ исключенія, писали правильно, съ тою только разницею, что *слабые* не совсѣмъ отчетливо объясняли законы ортографіи. При выходѣ изъ класса, я обнадежилъ воспитанниковъ, что начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, безъ сомнѣнія, порадуетя ихъ успѣхамъ и что лучшихъ изъ нихъ я съ удовольствіемъ буду рекомендовать Вашему Превосходительству. Исполняя это обѣщаніе, данное дѣтямъ, я принимаю смѣлость представить заботливому вниманію Вашего Превосходительства слѣдующія фамиліи воспитанниковъ перваго общаго класса: Ефимьевъ, Червасовъ, Филевскій, Алексѣевъ, Серебrenицкій, Лестамъ.

Утромъ третьяго марта я отправился въ первый корпусъ. Классы русскаго языка были въ тотъ день занимаемы гг. Падловымъ и Миллеромъ. Результатъ произведеннаго мною испытанія оказался и здѣсь вполне удовлетворительнымъ. Во II общемъ классѣ (преподаватель г. Падловъ) воспитанники уже успѣли, по новой программѣ, окончить всю практическую грамматику. Отвѣты ихъ большею частью были весьма отчетливы. Лучшими воспитанниками показались мнѣ: Васильковскій, Дьяковъ, Желтухинъ 1, Семеновскій, Нахимовъ, Платоновъ. Они прекрасно читали стихи и писали правильно подъ диктовку. Въ третьемъ общемъ классѣ, преподаватель г. Миллеръ прошелъ съ своими учениками почти всю теоретическую грамматику, за исключеніемъ пяти послѣднихъ филологическихъ вопросовъ. Отвѣты учениковъ въ этомъ классѣ были также вообще удовлетворительны. Въ I специальномъ классѣ словесность преподается г. Красовымъ; но въ тотъ день не было его часовъ, и я долженъ былъ произвести испытаніе въ отсутствіи преподавателя. Оказалось, что здѣсь г. Красовъ прошелъ съ своими учениками половину предмета.

обозначеннаго новой программой. Отвѣчая на предложенные вопросы, воспитанники ясно и отчетливо излагали теорію эпической поэзіи и весьма подробно излагали содержаніе главнѣйшихъ эпическихъ поэмъ, древнихъ и новыхъ. Было очевидно, что новая метода преподаванія теоріи поэзіи здѣсь уже сопровождается прекрасными плодами.

Въ тотъ же день, въ послѣ-обѣденные часы, я посѣщалъ классы русскаго языка и словесности во II корпусѣ. Здѣсь, въ приготовительномъ классѣ (преподаватель г. Котельниковъ) дѣти читали мнѣ наизусть басни Крылова и читали вообще хорошо. Въ III общемъ классѣ ученики впродолженіи этого года повторяли грамматику; но въ чемъ собственно заключалось это повтореніе, нельзя было видѣть изъ ихъ отвѣтовъ. Воспитанники, писавшіе подъ мою диктовку, дѣлали значительныя ошибки. Въ IV общемъ классѣ воспитанники сказали мнѣ, что въ этотъ учебный годъ была имъ читана теорія слога; но изъ ихъ отвѣтовъ, неопредѣленныхъ и сбивчивыхъ, нельзя было догадаться о содержаніи прочитанныхъ имъ лекцій. Въ I специальномъ классѣ воспитанники объявили, что имъ, во весь годъ, ничего не было читано, и что они занимались только практическими упражненіями. Я предложилъ тему для сочиненія, которое надлежало написать въ полтора часа. Изъ девяти сочиненій, мнѣ поданныхъ, оказалось, что воспитанникъ Сперансовъ, при одной грамматической ошибкѣ, получилъ одиннадцать балловъ, воспитанникъ Новомлинскій, тоже при одной грамматической ошибкѣ, одиннадцать балловъ; прочіе получили отъ шести до девяти балловъ.

V.

Отчетъ главнаго наблюдателя за преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ коллежскаго совѣтника Введенскаго о сравнительномъ экзаменѣ въ 3-хъ специальныхъ классахъ.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Яковъ Ивановичъ!

Общій экзаменъ, произведенный въ концѣ академическаго 1854—55 года воспитанникамъ 3-го специального класса, доказалъ блистательно и неопровержимымъ образомъ торжество той

идеи, которую В. П. изволила неоднократно выразить въ «Общихъ соображеніяхъ», составленныхъ для 3-го спеціального класса. Возможность требованія отъ воспитанниковъ самостоятельнаго образа мыслей и чувствованій уже не есть теперь задача, которую можно рѣшать утвердительно или отрицательно: это въ настоящее время фактъ, сознанный всѣми, очевидный для всѣхъ, фактъ не подверженный болѣе ни малѣйшему сомнѣнію. Моя обязанность—показать въ настоящемъ отчетѣ, какимъ образомъ совершился этотъ фактъ въ примѣненіи его къ практическимъ упражненіямъ воспитанниковъ по русскому языку.

Всѣмъ, конечно, еще памятно возраженіе направленное года за два передъ этимъ противъ основной идеи «Общихъ соображеній». Эти возраженія, вызванныя, безспорно желаніемъ принести пользу общему дѣлу, основываются, вѣроятно, на представленіи тѣхъ трудностей, которыми обыкновенно сопровождается самостоятельный ученый трудъ. Трудности эти такого рода, что для большинства оказываются въ иныхъ случаяхъ совершенно непреодолимыми. Молодой человѣкъ, готовящійся къ ученому поприщу, получаетъ тему для своей ученой диссертациі, и никто не объясняетъ ему этой темы. Рѣдко даже указываютъ ему на источники, имѣющіе близкое или отдаленное отношеніе къ его предмету. Многіе мѣсяцы, иногда цѣлыя годы, пропадаютъ безплодно въ пріискиваніи и разборѣ этихъ источниковъ, одинъ другому противорѣчащихъ. Молодой человѣкъ терается въ лабиринтѣ противоположныхъ мыслей, запутывается между несогласными авторитетами, и если подъ конецъ не бросаетъ своей работы утомительной и безплодной, то лишаетъ компиляцію, проникнутую безусловно вѣрою въ чужеземные, особенно въ нѣмецкіе, авторитеты, переносимые въ русскую литературу по большей части безъ всякой надобности. Вотъ источникъ безчисленнаго множества компиляцій, явившихся у насъ въ послѣдніе сто лѣтъ подъ болѣе или менѣе учеными заглавіями. Дѣло, представляемое съ такой точки зрѣнія, дѣйствительно оказывалось неудобопримѣнимымъ къ военно-учебнымъ заведеніямъ. Но уже при самомъ началѣ учрежденія третьихъ спеціальныхъ классовъ приняты надежныя мѣры къ отвращенію обыкновенныхъ затрудненій на поприщѣ самостоятельнаго труда. Поручивъ составить темы для воспитанниковъ, Ваше Превосходительство въ тоже время приказали указать на самые источники для разработкы даннаго предмета, и съ нача-

ломъ учебнаго года каждый воспитанникъ, избравшій ученый предметъ для самостоятельной работы, былъ немедленно снабжаемъ всеми необходимыми пособиями для своего труда. Затѣмъ преподавателю вмѣнялось въ обязанность объяснить слушателямъ самыя темы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мнѣ первому выпалъ счастливый жребій быть исполнителемъ Вашей воли. Приступая въ 1853—54 году къ истолкованію для своихъ новыхъ слушателей сущности и значенія самостоятельнаго труда, я увидѣлъ немедленно, что одни теоретическія соображенія не могутъ принести здѣсь ожидаемой пользы, и понялъ, что практическій способъ объясненія, необходимый вездѣ, становится въ настоящемъ случаѣ неизбежнымъ. На этомъ основаніи я предпринялъ самъ *работать* на глазахъ своихъ учениковъ, съ тою цѣлю, чтобы показать имъ наглядно весь ходъ самостоятельнаго труда. Подъ скромнымъ названіемъ объясненія темъ, я имѣлъ удовольствіе, большею частью въ присутствіи Вашего Превосходительства, прочесть своимъ слушателямъ цѣлый рядъ лекцій, относившихся по своему содержанию къ темамъ распределеннымъ между слушателями.

Успѣхъ не только соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ, но и превзошелъ самыя смѣлыя надежды. Еще въ концѣ перваго семестра я получилъ отъ своихъ слушателей нѣсколько сочиненій, замѣчательныхъ въ высшей степени самостоятельнымъ развитіемъ мысли, а къ концу учебнаго года изъ двадцати двухъ слушателей, составлявшихъ весь третій спеціальныи классъ, четырнадцать оказалось такихъ, которымъ надлежало поставить полныя двѣнадцать балловъ. Ваше Превосходительство изволили одобрить этотъ первый опытъ, и слушатели мои въ свою очередь остались вполне довольны методою, придуманною для объясненія имъ сущности самостоятельнаго труда; но самъ я не вполне остался доволенъ своими занятіями въ 3-мъ спеціальномъ классѣ. Въ моихъ разнообразныхъ лекціяхъ былъ тотъ существенный недостатокъ, что между ними не было строгой системы и строгаго, опредѣленнаго плана, направленнаго къ разъясненію одной общей идеи. Я читалъ о греческой эпопее и о новѣйшей драмѣ; о греческомъ романѣ и объ исторіи русскаго языка; о Шиллерѣ и о народныхъ русскихъ пѣсняхъ. Эта безсвязность конечно не мѣшала главной цѣли — объяснить значеніе самостоятельнаго труда; но разрывала связь между отдѣльными лекціями и препятствовала моимъ слушателямъ усвоить твердый и опредѣленный взглядъ на бессистемный курсъ

всѣхъ этихъ чтеній. Отстранить этотъ недостатокъ я предоставлялъ себѣ въ будущемъ учебномъ году; но въ великому моему несчастію окончательная потеря зрѣнія лишила меня физической возможности трудиться для третьяго спеціального класса. Подробный планъ для будущихъ занятій на этомъ поприщѣ я передалъ своему достойному преемнику въ дворянскомъ полку, и справедливость теперь обязываетъ меня сказать, что новый преподаватель *) приступилъ къ выполнению этого плана съ усердіемъ необыкновеннымъ. Въ 1854—55 академическомъ году задача преподавателя состояла въ томъ, чтобы разработать самостоятельно главнѣйшія явленія русской драмы XVIII-го вѣка. Приступивъ къ этому труду, преподаватель (г. Благосвѣтловъ) увидѣлъ, что объяснить значеніе русской драмы XVIII-го вѣка невозможно безъ предварительнаго сличенія ея съ главнѣйшими произведеніями псевдо-классической французской драмы. Объяснить въ свою очередь французскую драму оказывалось весьма неудобнымъ, не показавъ напередъ отношенія ея къ классической драмѣ древней Греціи. На этомъ основаніи въ истекшемъ году преподаватель началъ свои лекціи съ объясненія греческой драмы вообще и съ объясненія греческой трагедіи въ частности. Въ восьми чтеніяхъ, представившихъ изъ себя одну стройную, общую, правильную перспективу, онъ раскрылъ передъ своими слушателями великолѣпную исторію греческаго театра, и перешелъ, мало по малу, къ трагедіямъ Софокла, остановившись окончательно на его знаменитой трилогіи (Эдипъ-Царь, Эдипъ въ Колонѣ, Антигона), которая спеціально сдѣлалась предметомъ его самостоятельнаго труда. Отъ греческой трагедіи преподаватель постепенно перешелъ къ средне-вѣковымъ мистеріямъ и отъ нихъ къ псевдо-классической трагедіи, преимущественно къ Корнелю и Расину. Послѣ этой предварительной работы, преподаватель, переходя къ русской драмѣ, объяснилъ главнѣйшія трагедіи Сумарокова, показавъ отношенія ихъ къ образцамъ уже извѣстнымъ, и потомъ, въ заключеніе лекцій, преподаватель живѣйшими чертами изобразилъ предъ своими слушателями блистательную перспективу вѣка императрицы Екатерины Великой и показалъ непосредственное участіе императрицы въ дѣлѣ общаго образованія. При

---

*) Г. Е. Благосвѣтловъ, бывшій впоследствии редакторомъ „Русскаго Слова“ и „Дѣла“.

такихъ чтеніяхъ ни одна изъ заранѣ предложенныхъ темъ не была объяснена спеціально въ мелкихъ подробностяхъ; но въ то же время всѣ вообще темы осмыслены, какъ нельзя болѣе, въ глазахъ внимательныхъ слушателей, и они поняли вполне, что значить развиваться самостоятельно и трудиться на поприщѣ ученыхъ занятій. Успѣхъ оказался блистательный, въ полномъ смыслѣ этого слова. Воспитанникъ *Нарбутъ* получилъ для спеціальной разработки тему: «Сравнить трагедію Расина «Федра» съ трагедіею Еврипида «Ипполитъ». Принимаясь теперь за дѣло, Нарбутъ зналъ, чего отъ него требуютъ и понималъ отчетливо, какъ онъ долженъ идти впередъ. О Еврипидѣ въ частности ничего ему не было сказано, и трагедія «Ипполитъ» преподавателемъ не была разобрана; но воспитанникъ былъ знакомъ вполне со всею обстановкою греческой трагедіи и понималъ отношеніе Еврипида къ предшествующимъ и послѣдующимъ явленіямъ греческихъ драматурговъ. И вотъ онъ изучаетъ Ипполита, читаетъ всего Еврипида, переходитъ къ Расину, и останавливается спеціально на его Федрѣ. Въ этомъ заключался самостоятельный трудъ молодого человѣка. Плодъ этого труда—превосходная диссертация, вполне доказавшая способность пойти къ самостоятельнымъ воззрѣніямъ на предметъ. Нарбутъ ничѣмъ не былъ обязанъ своему преподавателю, потому что работалъ самостоятельно, трудился лично самъ; но въ то же время онъ всѣмъ былъ обязанъ своему наставнику, потому что безъ его руководства онъ потерялся бы въ лабиринтъ своего труда. Точно такимъ же способомъ работалъ воспитанникъ *Семевскій* *), представившій еще въ первый семестръ свою первую диссертацию «о трагедіяхъ Сумарокова».

Диссертация вышла весьма хорошая; но присутствуя на полугодичномъ экзаменѣ, я имѣлъ неосторожность сдѣлать неумѣстное замѣчаніе, что г. Семевскій не всѣмъ одолженъ себѣ, но взялъ многое изъ сочиненія объ этомъ предметѣ профессора Булича. Благородный молодой человѣкъ оскорбился этимъ замѣчаніемъ.

— Позвольте же мнѣ написать, сказалъ онъ, другое сочиненіе. Дайте мнѣ такую тему, при разработываніи которой я не могъ бы пользоваться никакимъ источникомъ.

*) Нынѣшній редакторъ „Русской Старины“. Ред.

И преподаватель предложилъ г. Семейскому разобрать комедію Островскаго «Свои люди — сочтемся», комедію еще никѣмъ въ нашей литературѣ не разсмотрѣнную съ критической точки зрѣнія. Плодъ этой работы — превосходная критическая статья, въ которой авторъ съ замѣчательнымъ искусствомъ объяснилъ главную мысль разбираемаго имъ художественнаго произведенія и опредѣлилъ вѣрно и отчетливо взаимныя отношенія всѣхъ характеровъ и дѣйствующихъ лицъ. Тема, данная воспитаннику *Шанявскому* «разобрать Марю посадницу — Карамзина, сличивъ повѣсть съ историческимъ событіемъ», была вовсе оставлена безъ объясненія: Ему были только указаны источники и объясненъ способъ, какъ пользоваться историческими матерьялами. Съ увѣренностью въ своихъ силахъ молодой человекъ взялся за свой трудъ, изучилъ исторію Новгорода и отношенія его къ Москвѣ, и на основаніи этого изученія получилъ свѣтлый взглядъ на беллетристическое произведеніе, которое должно было подвергнуться его критическому разбору. Мечтательность идеалиста, какимъ былъ Карамзинъ въ первую эпоху своей молодости, не ввела въ заблужденіе пылкаго юношу, изучившаго основательно историческій бытъ новгородцевъ. «Нѣтъ, сказалъ онъ самъ себѣ, дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ этимъ мечтательнымъ идеаламъ, которые рисуются на страницахъ повѣсти Карамзина. Читая повѣсть, невольно думаешь: жаль великодушныхъ Новгородцевъ, павшихъ жертвою своихъ патріотическихъ стремленій; но читая исторію и лѣтописи, невольно приходишь къ заключенію: нѣтъ, Новгородъ, я не жалѣю тебя! *Мпра твоихъ беззаконій исполнилась, и ты понесъ заслуженное наказаніе!*» Справедливость опять заставляетъ меня сказать, что диссертация Шанявскаго представляетъ прекраснѣйшій образецъ вполне самостоятельнаго литературнаго труда. Воспитаннику *Федорову* предложена была тема «Разобрать Фелицу Державина въ историческомъ отношеніи». О Державинѣ вообще и «Фелицѣ» въ частности, преподаватель опять ничего не говорилъ спеціально; но онъ, какъ замѣчено выше, представилъ своимъ слушателямъ общую картину просвѣщенія въ блистательный вѣкъ императрицы Еватерины Великой. И знакомый со всѣми приѣмами исторической критики, воспитанникъ Федоровъ написалъ о «Фелицѣ» превосходнѣйшую статью, которую можно считать образцемъ историко-критическаго разбора. Замѣчательно, что воспитанниками Константиновскаго

корпуса въ нынѣшнемъ году разобрана была критически почти вся исторія русской драмы, отъ мистерій Симеона Полоцкаго, явившихся въ XVII вѣкѣ, до комедіи Островскаго включительно, напечатанной въ 1851 году.

Метода объясненія темъ, утвердившаяся въ 3-мъ спеціальному классѣ Константиновскаго корпуса, была принята, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и въ другихъ корпусахъ. Г-нъ Плаксинъ, объясняя свои темы въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, умѣлъ внушить своимъ слушателямъ любовь къ самостоятельному труду и заинтересовать ихъ многими явленіями русской словесности, преимущественно древней. Между его учениками заслуживаютъ особеннаго вниманія кадеты *Бальцъ* и *Случевскій*. Бальцъ еще въ первый учебный семестръ представилъ диссертациі на тему: «сравненіе комедій «Недоросля»—фонъ-Визина, «Горе отъ ума»—Грибоѣдова и «Ревизора»—Гоголя, въ отношеніи комизма вообще, созданія характеровъ и вѣрности современныхъ нравовъ». Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ молодой человѣкъ развилъ свой предметъ весьма подробно, и трудъ его обилень многими весьма дѣльными замѣчаніями обо всѣхъ трехъ народныхъ русскихъ комикахъ. Случевскій въ своемъ сочиненіи разсматривалъ литературную дѣятельность Ломоносова: его диссертациа замѣчательна особенно по легкости слога и живости изложенія и отличается многими весьма дѣльными мыслями, хотя должно сказать, что не вездѣ съ одинаковою отчетливостью молодой человѣкъ выполнилъ свою трудную задачу.

Во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, г-нъ Сухомлиновъ объяснялъ своимъ слушателямъ сущность и значеніе народной русской литературы въ историческомъ и филологическомъ отношеніи. Къ числу замѣчательныхъ сочиненій, представленныхъ воспитанниками этого корпуса принадлежатъ: сочиненіе *Долуханова*—«О русскихъ баснописцахъ»; *Штубендорфа*—«Сравненіе Орлеанской дѣвы Жуковскаго съ Шиллеровой трагедіей этого же имени», и *Любовицкаго*—«О ложно-классической теоріи, съ опытомъ разбора на основаніи трагедіи Корнеля—Сидъ».

Успѣхи по русскому языку въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ также вообще удовлетворительны.

Между представленными изъ этого корпуса правтическими упражненіями замѣчательно, по обширности труда, сочиненіе кадета *Кучаева* «о Мазепѣ Байрона сравнительно съ Полтавой Пушкина» Кад. Кучаевъ читалъ Байрона въ французскомъ переводѣ

и представилъ объ этомъ писателѣ компиляцію, составленную довольно удачно. Кадетъ *Руновъ*, писавшій о Юріѣ Милославскомъ Загоскина, получилъ за это сочиненіе 12 балловъ.

Смѣю думать, что такой результатъ весьма удовлетворителенъ. Приступая къ начертанію наставленій относительно преподаванія русскаго языка и словесности въ военно учебныхъ заведеніяхъ, Ваше Превосходительство, изволили замѣтить: «если другія науки русскій юноша долженъ знать удовлетворительно, то языкъ русскій онъ долженъ знать *въ совершенствѣ*, это языкъ, которымъ онъ думаетъ; этимъ языкомъ думали его отцы; имъ же должны думать и его дѣти».

Должно ли наконецъ, въ заключеніе этого отчета, говорить о томъ высокомъ патріотическомъ чувствѣ, которымъ проникнуты всѣ труды нашихъ воспитанниковъ, не исключая и тѣхъ, которыхъ сочиненія *въ научномъ* отношеніи обиваются посредственными или слабыми. Но этимъ чувствомъ проникнуты всѣ русскіе юноши и вся Россія. Милліоны жизней, готовыхъ принести себя въ жертву на алтарь отечества, при одномъ движеніи державной воли обожаемаго монарха, доказываютъ убѣдительно всякихъ словъ, что патріотическое чувство въ русскомъ человѣкѣ есть историческій народный фактъ, который могъ развиваться и усовершенствоваться не иначе, какъ въ продолженіе многихъ столѣтій. И русскій юноша не тщеславится этимъ чувствомъ, потому что оно ему врождено. И готовый на всякій великій подвигъ, требующій полного самоотверженія, онъ всего менѣе воображаетъ, что выступаетъ этимъ изъ ряда тысячи себѣ подобныхъ, которые также какъ и онъ, готовы на всякія самопожертвованія. Тысячи фактовъ нашей исторіи подтверждаютъ нашу мысль; но позвольте къ этимъ тысячамъ присовокупить еще одинъ случай, который показался мнѣ въ высшей степени замѣчательнымъ и характернымъ. На этихъ дняхъ случайно встрѣтился со мной одинъ молодой офицеръ (поручикъ артиллеріи Давыдовъ), воротившійся недавно съ театра военныхъ дѣйствій. На вопросъ мой, какія чувства овладѣваютъ молодыми людьми при первомъ ихъ столкновеніи съ непріателемъ, Давыдовъ отвѣчалъ беззаботнымъ тономъ.

— «Такъ себѣ, ничего, увѣряю васъ, простыя и легкія чувствованія, вовсе не тяжелыя. Мы вотъ въ первомъ сраженіи вздумали передразнивать нашего учителя и повторяли по его словамъ рѣчь стараго Святослава, которую, разумѣется, карикатурили въ самомъ

искаженномъ видѣ: «Эхъ, братцы, эхъ говорили мы со смѣхомъ, обращаясь другъ къ другу, «уже бо намъ нѣвамо ся дѣти. Волею или неволею должны есмы стати противу. Не посрамитъ земли русскія. Ляжемъ костями.—Мертвіи бо срама не имуть! Уралъ съ этими словами мы бросились въ атаку, и непріятельская батарея была взята».

Такъ что-жъ удивительнаго, если сознательное выраженіе глубокаго патріотическаго чувства, которое служитъ несомнѣннымъ залогомъ будущаго величія и славы Россіи, мы встрѣчаемъ теперь въ сочиненіяхъ благородныхъ юношей, имѣющихъ неопыненное счастье называть своимъ непосредственнымъ начальникомъ общаго отца всей Россіи? Иначе и быть физически не можетъ. О чемъ бы ни разсуждали молодые люди, мысль ихъ всегда обращается къ однимъ и тѣмъ же предметамъ. Говорятъ ли они о литературныхъ явленіяхъ древней Греціи, мысль ихъ обращается къ Россіи; разматриваютъ ли какое нибудь произведеніе французской или нѣмецкой словесности, или просто разбираютъ какой нибудь филологическій фактъ, всегда и вездѣ образъ ихъ мыслей и чувствованій выражаетъ безпредѣльную преданность къ отечеству и безграничную, вполне сознательную любовь къ великимъ монархамъ, представителямъ общаго нашего благоденствія и могущественнымъ двигателямъ просвѣщенія въ нашей странѣ. Инстинктивное чувство этой любви наука превратила для нихъ въ дѣйствительный фактъ, выведенный логически изъ всего разносторонняго образованія, которое они получили. Присутствуя постоянно на всѣхъ экзаменахъ 3-го спеціального класса, Ваше Превосходительство, безъ сомнѣнія, неоднократно имѣли случай убѣдиться, что юноши Ваши, готовые выступить на поприще жизни общественной, мыслью и чувствомъ, словомъ и дѣломъ поняли теперь и усвоили себѣ вполне, что: «жизнь общественная составляетъ необходимое условіе земнаго существованія человѣка; что это условіе достигается подчиненіемъ всѣхъ частныхъ волей и всѣхъ частныхъ силъ одной общей волѣ и одной общей силѣ, именуемыхъ Верховною властію; что при этомъ только условіи общество совершенствуется и благоденствуетъ, и что преданность Верховной власти есть необходимое основаніе блага людей, общества составляющихъ». (Наставл. для образ. В. В. У. Зан. Политическія науки стр. 90). Вы должны были убѣдиться, что образованіе, сообщенное этимъ молодымъ людямъ,

основано прежде всего на «сыновей преданности къ престолу, на безкорыстной любви къ отечеству, на душевномъ сознаниі долга семейнаго и общественнаго и на современномъ состояніи наукъ въ просвѣщенномъ мірѣ. (смотри. Наст. общ. инстр. стр. 2). Наконецъ, вы должны были видѣть, что всѣ эти благородные юноши одушевлены чистымъ желаніемъ заплатить Государю за Его благодѣянія—честною службою, честною жизнію и честною смертію». (см. Наст. Общ. инстр. стр. 2). Билось ли Ваше сердце радостью и восторгомъ, когда Вы были очевиднымъ свидѣтелемъ сознательнаго выраженія всѣхъ этихъ возвышенныхъ чувствъ, которыя могли читать на лицахъ счастливыхъ Вашихъ питомцевъ? Слѣпецъ не видѣлъ этого; но онъ знаетъ, что иначе не могло быть!

Да поможетъ вамъ Всевышній къ общему нашему благу еще на долго, на долго — быть въ военно-учебныхъ заведеніяхъ просвѣщеннымъ представителемъ державной воли обожаемаго Монарха!

VI.

Письмо отъ Я. И. Ростовцева.

Милостивый государь, Иринархъ Ивановичъ!

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, утвердивъ всѣ составленныя Вами вмѣстѣ съ профессоромъ Буслаевымъ и коллежскимъ совѣтникомъ Галаховымъ предположенія, относительно нѣкоторыхъ измѣненій въ принятомъ нынѣ планѣ преподаванія отечественнаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, соизволилъ, между прочимъ, повелѣть:

1) Преподаваніе теоріи поэзіи перенести изъ 1-го спеціального класса въ 4-й общій, а теоріи прозы изъ 4-го общаго въ 1-й спеціальный.

2) Уволить г. Галахова отъ составленія руководства теоріи поэзіи и возложить составленіе онаго на Васъ, согласно съ изъясненнымъ г. Галаховымъ и Вами на то желаніемъ.

3) Поручить Вамъ, равнымъ образомъ, составленіе хрестоматіи для чтенія образцовыхъ сочиненій въ первыхъ трехъ общихъ классахъ, расположенной въ систематическомъ порядкѣ, по плану исторической теоріи словесности.

4) Возложить на г. директора составленіе книгъ для постепенныхъ упражненій въ переводахъ воспитанниковъ съ француз-

скаго и нѣмецкаго языковъ на русскій, подъ вашимъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюдениемъ.

О таковой волѣ Его Императорскаго Высочества, имѣя честь Васъ увѣдомить, долгомъ считаю покорнѣйше просить увѣдомить меня, не найдете-ли вы нужнымъ измѣнить заключенныя Вами со штабомъ военно-учебныхъ заведеній условія, относительно изданія руководства по теоріи прозы, котораго потребуется не 1,200 экземпляровъ, а только 1,000, и на какихъ условіяхъ желали бы Вы приступить къ составленію и изданію руководства по теоріи поэзіи и хрестоматіи для чтенія образцовыхъ сочиненій, а именно: къ какому времени могутъ они быть представлены Вами въ рукописи, по какой цѣнѣ Вы полагаете уступить экземпляръ оныхъ военно-учебнымъ заведеніямъ, считая, что руководства теоріи поэзіи будетъ взято у Васъ 1,200 экзempl., а хрестоматіи 5,600 экзempl., и какая именно сумма понадобится Вамъ впередъ, при представленіи рукописей, на напечатаніе оныхъ?

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ къ Вамъ почтеніи и совершенной преданности.

И. Ростовцевъ.

Примѣчаніе. Порученію этому, однако, не суждено было осуществиться, за смертію автора.

Ред.

VII.

Бъ Н. А. Некрасову.

Почтеннѣйшій Николай Алексѣевичъ!

На этихъ дняхъ я переѣхалъ на дачу вмѣстѣ съ Домби и его сыномъ, котораго судьба, не смотря на запутанныя дѣла, меня крайне интересуеетъ. Если цензура соблагоизволитъ воззрѣть на него благосклоннымъ окомъ, Вы, надѣюсь, извѣстите меня тотчасъ же, и ради этойъ причины честь имѣю препроводить къ Вамъ мой адресъ: «За Елагинымъ островомъ, въ Старой Деревнѣ, на дачѣ Алексѣя Яковлева, № 18».

Совершенно вамъ преданный *Введенскій.*

Мая 6-го
1848.

VIII.

Бъ Ч. Диккенсу.

Около десяти лѣтъ имя Ваше пользуется въ Россіи громкою извѣстностію, и Васъ читаютъ съ большимъ усердіемъ отъ бере-

говъ Невы до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Сибири. Между тѣмъ, участь Вашихъ сочиненій, до изданія «*Dombey and Son*», была довольно странная: Васъ усердно переводили въ русскіе журналы, особенно въ «Библиотеку для Чтенія» и «Отечественныя Записки», но переводили съ большими сокращеніями, выпусками, и притомъ нерѣдко съ нѣмецкаго языка. При такихъ передѣлкахъ, даже лучшіе ваши романы теряли иногда свойственный имъ колоритъ. Не такова судьба «Домби и Сына». Когда вы остановились въ Лондонѣ на десятомъ ливрезонѣ этого романа, его вдругъ начали переводить въ Петербургѣ для двухъ журналовъ, для «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ»; мой переводъ, посылаемый теперь къ Вамъ, печатался въ «Современникѣ». На мою долю, первый разъ выпала завидная честь передать гениальный романъ Вашъ вполнѣ, безъ всякихъ сокращеній и съ однимъ только, вынужденнымъ обстоятельствами, выпускомъ, на который вамъ укажетъ г. Смитъ.

Гениальный писатель, какъ Вы, понимаетъ лучше всѣхъ, съ какими трудностями долженъ встрѣчаться чужеземный переводчикъ Вашихъ произведеній, проникнутыхъ англійскою національностью отъ начала до конца. Я въ свою очередь видѣлъ отчасти эти затрудненія, когда принялся за переводъ, и слышалъ отзывы Вашихъ петербургскихъ земляковъ, предсказывавшихъ невозможность передать красоты оригинала на русскій языкъ, богатѣйшій изъ всѣхъ европейскихъ по своему внѣшнему содержанію, но еще далеко не выработанный для литературы такъ, какъ другіе цивилизованные языки. Эти затрудненія подстрекнули мою дѣятельность, и я взялся за свой трудъ соп агоге и съ такимъ рвеніемъ, при которомъ не щадилъ ни своего времени, ни силъ. Годъ и три мѣсяца я вполнѣ жилъ Вашею жизнію, мыслить Вашимъ умомъ, чувствовалъ Вашимъ сердцемъ — плакалъ тамъ, гдѣ Вы проливали слезы, смѣялся тамъ, гдѣ смѣялись Вы, и приходилъ въ негодованіе тамъ, гдѣ гениальное перо Ваше рисовало сцены, искажавшія чистую натуру человѣка. При такомъ сочувствіи къ оригиналу, я не могъ не понимать его духа и, дѣйствительно, понималъ его вполнѣ, совѣтуясь, однакожь, съ образованными англичанами въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ смыслъ исключительно запечатлѣнъ туземнымъ колоритомъ, недоступнымъ для иностранца, никогда не бывшаго въ Англіи. Понимая васъ, какъ англичанина, я въ то-же время мысленно переносилъ Васъ на русскую почву,

и заставлялъ Васъ выражать свои мысли, такъ какъ Вы сами могли бы ихъ выразить, живя и развиваясь подъ русскимъ небомъ. Отсюда, само собою разумѣется, переводъ мой не могъ и ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ быть буквальнымъ переводомъ, безусловной копией, какую, сколько мнѣ извѣстно, снимаютъ нѣмцы съ вашихъ произведеній. Я старался воспроизвести духъ романа со всѣми его оттѣнками, которыми, по возможности, придавалъ чисто-русскую форму, и когда трудъ мой былъ оконченъ, я имѣлъ удовольствіе слышать отъ знатоковъ дѣла, что «Домби и Сынъ» выразился въ русскомъ переводѣ достойнымъ его образомъ.

Послѣ «Домби и Сына», я перевелъ также «Haunted Man», и намѣренъ впередъ передавать по-русски все, что ни выйдетъ изъ-подъ Вашего пера. До сихъ поръ мы еще не получили въ Петербургѣ ливрезоновъ «David Copperfield»; но лишь только онъ будетъ въ моихъ рукахъ, я примусь за него съ такою же заботливостью и съ такимъ наслажденіемъ, какъ прежде за «Домби и Сына», который еще продолжаетъ приводить въ восторгъ всю читающую Россію.

Съ истиннымъ благоговѣніемъ къ Вашему таланту имѣю честь быть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою

Ир. Ив. Введенскій.

Примѣчаніе. На письмо это Диккенсъ отвѣчалъ желаніемъ познакомиться съ „талантливымъ переводчикомъ“. Записка Диккенса на англійскомъ языкѣ.

Ред.

IX.

КЪ Г-ЖѢ N° *).

И я, милый другъ мой, чуть не болѣлъ отъ любви къ тебѣ. Не спавъ почти всю ночь, я весь день проходилъ, какъ убитый: прозѣвалъ часа полтора у Ж—ва, потомъ въ половинѣ второго вышелъ гулять, разумѣется, въ надеждѣ встрѣтить тебя, но не знаю, какъ эта надежда обманула обоихъ. Дошедши до Аничкина моста, я взялъ извозчика и поѣхалъ домой, отложивъ намѣреніе быть въ дворянскомъ полку. Теперь едва держу перо, но хочу писать къ тебѣ, писать много, много.

*) Это письмо, писанное еще до женитьбы Введенскаго, мы печатаемъ для характеристики той глубины внутреннего міра, которою отличался покойный,—равно какъ и послѣдующій документъ.

Ред.

Безъ воли Провидѣнія, говорятъ, ни одинъ волосъ съ головы человѣка не погибаетъ. Я вѣрю въ эту святую истину и знаю многимъ опытомъ, что всѣ обстоятельства въ жизни устриваются божественнымъ промысломъ для какихъ-то таинственныхъ, непостижимыхъ цѣлей. Чего же хочетъ судьба отъ нашей любви? Зачѣмъ теперь она свела насъ, — одного съ береговъ Волги, другую... но вѣдь и ты также родилась на берегахъ Волги, и надъ твоей колыбелью вѣялъ воздухъ моей родины, и твои младенческія грезы взлелѣяны подъ тѣмъ же небомъ. Зачѣмъ же эти столь различные обстоятельства для душъ одинаково настроенныхъ, и которыя сотворены одна для другой? Еще разъ: непостижимы пути Провидѣнія. И ужь если надобно философствовать, успокойсь по крайней мѣрѣ тою мыслію, что мы не составляемъ исключенія изъ общаго хода природы, что человѣческая жизнь, по распоряженіямъ промысла, должна представлять непрерывную перспективу борьбы съ обстоятельствами, борьбы добра со зломъ, счастья съ несчастіемъ. И счастливъ, тысячу разъ счастливъ тотъ, кто выходитъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, чей духъ, вѣрный своему божественному призванію, не запутывается въ презрѣнныхъ мелочахъ жизни и гордо возвышается надъ низкими условіями свѣта.

И вотъ теперь, на половинѣ пути жизни, мы, новые герои Данта, увидѣли, что прямая дорога давнымъ-давно потеряна и для тебя, и для меня. Неумолимая судьба поставила насъ лицомъ въ лицу передъ грозными опредѣленіями свѣта. Борьба, страшная борьба, открылась передъ нами. Милый, несчастный другъ мой, останемся-ли мы побѣдителями, или безвозвратно погибнемъ въ ужасной безднѣ злополучія, не достигнувъ своихъ цѣлей, не исполнивъ земнаго назначенія, указаннаго Провидѣніемъ?

Бросить дѣтей, оставить Россію — ѣхать съ любовникомъ за границу?.. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ: это жертва безразсудная, и съ моей стороны было бы *подлостью* принять ее.

И еще бы сынъ твой не былъ Николинъка. Но ты мать ребенка гениальнаго, мать одного изъ тѣхъ великихъ людей, которыхъ никогда Провидѣніе безъ особенныхъ цѣлей не посылаетъ на землю. Его должна ты беречь для блага человѣчества, и твоя обязанность — быть для него путеводною звѣздою на скользкомъ пути жизни. А что съ нимъ сдѣлается, если ты оставишь его? До сихъ поръ въ тебѣ одной имѣетъ онъ истиннаго друга, который умѣетъ сочувствовать невиннымъ, святымъ порывамъ младенческой души.

Вывранный судьбою изъ ряда подобныхъ себѣ дѣтей, чудный ребенокъ уже *началъ жить*, и не радости, не цвѣтистое поле беззаботной жизни, юношескаго возраста открылись передъ нимъ, не ясное солнце свѣтитъ надъ весною его жизни, — нѣтъ, онъ уже борется съ непогодами нравственнаго бытія; онъ уже столкнулся съ презрѣнными разсчетами глупаго эгоизма, и сильны, невыносимо сильны страданія этого ангела, нигдѣмъ непонятаго, нигдѣмъ неутѣшеннаго среди безумной толпы негодяевъ, издѣвающихся надъ всѣмъ, что выступаетъ изъ ограниченнаго круга близорукихъ идей. Вообрази же теперь минуту, когда единственное существо, драгоцѣнное для него въ этой жизни, когда ты, несчастная мать, оставишь его одного, уже рѣшительно и въ буквальномъ смыслѣ одного, и въ жертву такимъ страданіямъ, для которыхъ нѣтъ имени на языкѣ человѣческомъ! Ручаешься-ли, что достанетъ у него силъ пережить свое злополучіе?.. Но предположимъ, что горе не раздавитъ его, что Богъ пошлетъ ему довольно крѣпости духа, чтобы устоять противъ страшной грозы: спрашиваю, каксе мнѣніе будетъ имѣть онъ о своей матери? Кто бы онъ ни былъ, но онъ все-таки ребенокъ, и увѣрена-ли ты, что свѣтъ, который громкимъ позоромъ заклеятъ твое имя, не найдетъ отголоска и въ его душѣ? Увѣрена ли ты, что онъ не будетъ презирать своей матери? А коль скоро такъ, то я не могу безъ содраганія представить всѣхъ ужасовъ его положенія, и мое воображеніе цѣпенѣетъ при мысли о чудовищныхъ послѣдствіяхъ, которыхъ онъ сдѣлается жертвою. Дѣло въ томъ, что переходъ отъ безпредѣльнаго уваженія къ глубочайшему презрѣнію неминуемо долженъ будетъ произвести рѣшительный переворотъ въ его нравственной жизни, и если теперь душа его открыта для всѣхъ высокихъ впечатлѣній, если его сердце готово сдѣлаться вмѣстилищемъ добра и прекрасныхъ чувствованій, то въ такой же мѣрѣ эта душа и это сердце послѣ позора твоего сдѣлаются открытыми для всякаго преступленія, для *всякаго злодѣяства*, которому не будетъ предѣловъ въ могучей душѣ гениальнаго человѣка. И если теперь всѣ вѣроятности на той сторонѣ, что современемъ Россія будетъ благословлять память твою за то добро, которое суждено сдѣлать твоему сыну, то въ противномъ случаѣ та же Россія должна будетъ проклинать тебя, какъ мать злодѣя, который изумилъ вселенную своими поступками!

О Варинькѣ разсуждать много нечего, хотя, разумѣется, и она

отнюдь не виновата, что похожа на своего отца. Ея несчастье будет обыкновенным несчастьем дѣвушки, которая получить подъ руководствомъ отца дурное воспитаніе и потомъ не найдетъ себѣ мужа. Но еще разъ: Николинъка, Николинъка.

Представь однакоже, что я преувеличилъ будущее несчастье, что мое испуганное воображеніе настроило небывалые ужасы; еще вопросъ: будемъ ли мы имѣть средства жить за границею? Я очень хорошо знаю твоего мужа: женившись на тебѣ единственно по расчету, онъ въ свою очередь *гениально* располагаетъ твоимъ богатствомъ, и теперь, вооруженный именемъ отца и силою въ свѣтѣ, онъ можетъ отнять у тебя все твое имѣніе. Такъ по крайней мѣрѣ я думаю, и почти увѣренъ, что думаю справедливо. Но положимъ, что я ошибаюсь, допустимъ, что послѣ раздѣла съ дѣтьми у тебя останется тысячъ пять или шесть годового дохода. И вотъ мы ѣдемъ въ чужіе края, живемъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Римѣ, въ Венеціи; передъ нами отерывается новый, прекрасный міръ европейской цивилизаціи; мы забываемъ отечество и съ наслажденіемъ любуемся очаровательнымъ небомъ Италіи, красотою Франціи, величавой природой Швейцаріи; яркое разнообразіе предметовъ и благодѣтельный климатъ поправляютъ наше здоровье; мы молодѣемъ и счастливые любовію оба съ одинаковою ревностію стараемся усвоить себѣ современные плоды искусства, знанія, и прочая, и прочая. Все это прекрасно, очаровательно; но не забудь, что у меня не будетъ ничего, а станешь ли ты уважать человѣка, который живетъ единственно на твой счетъ? Впрочемъ, не пугая тебя никакими подозрѣніями, я увѣренъ, что любовь твоя не будетъ имѣть предѣловъ; но во всякомъ случаѣ, какъ самъ я сталъ бы смотрѣть на свое положеніе? Не буду ли я казаться низкимъ въ собственныхъ глазахъ? Да притомъ, можно ли оставаться всегда за границей? А по возвращеніи въ Россію, мы будемъ имѣть сильныхъ враговъ, которые употребятъ всѣ усилія, чтобы испортить мою карьеру.

Такимъ образомъ, милый другъ мой, должно отказаться отъ мечты о явномъ разрывѣ и о поѣздѣ въ чужіе края. Я не принимаю этой жертвы.

Что же намъ дѣлать?

Оставить, забыть меня, ты не можешь, точно также какъ я не могу оставить тебя. Богъ создалъ насъ другъ для друга, и цѣлѣй годъ безпрерывной тоски показалъ, что намъ невозможно жить

безъ взаимной любви. Да притомъ, если бы насъ разлучили, ты не переживешь несчастія: въ этомъ убѣждаетъ меня и разумъ, и сердце.

Еще разъ: что же намъ дѣлать?

Обманывать твоего мужа и смѣяться надъ приличіями свѣта, показывая видъ, что соблюдаемъ ихъ во всей точности—вотъ мое мнѣніе, и ты должна съ нимъ согласиться, если любишь меня такъ, какъ я это воображаю. Ты видишь, я выражаюсь языкомъ условнымъ, языкомъ свѣта, а этотъ языкъ въ настоящемъ случаѣ вовсе не годится для моихъ мыслей. Всмотримся ближе въ дѣло. Бездушное существо, по инстинкту понявшее свое положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ, предлагаетъ ругу шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, у которой тысячь двадцать годового дохода. Дѣвушку заставляютъ принять предложеніе господина коллежскаго ассесора; пьяный попъ является къ услугамъ, обводитъ сведенную чету три раза около наоя, и вотъ тридцати-двухъ-лѣтній эгоистъ и невинная шестнадцати-лѣтняя дѣвушка сдѣлались супругами. Съ одной стороны денежный расчетъ, съ другой—легкомысліе и безотчетная покорность своимъ руководителямъ. До любви никому не было дѣла, потому что никто знать не хотѣлъ, что если бракъ дѣйствительно есть *тайнство*, то въ томъ только случаѣ, когда любовь соединяетъ двѣ половины предназначенныхъ самимъ Богомъ одна для другой. Однакожь супруги стали жить и, не смотря на странное соединеніе льда и огня, въ три года они произвели на свѣтъ сына и дочь. Но этимъ и кончились ихъ супружескія отношенія. Господинъ надворный совѣтникъ нашель, что дѣловыя бумаги и карты лучше всякой любви, и, отказавшись отъ правъ супруга, онъ сталъ смотрѣть на свою половину, какъ на необходимую мебель въ ея же собственномъ домѣ. Между тѣмъ дѣти стали выростать. Молодая женщина, увидѣвъ себя одинокою во всемъ свѣтѣ, съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ посвятила себя воспитанію сына и совершила этотъ подвигъ съ такою блистательною славою, которая превышаетъ всякое вѣроятіе. Но господинъ коллежскій совѣтникъ никогда не могъ и не хотѣлъ оцѣнить самоотверженія своей жены, и въ ея подвигѣ опять видѣлъ только денежный расчетъ, освобождавшій его отъ платы учителямъ. Дѣла его тянулись въ такомъ скучномъ и однообразномъ порядкѣ, и господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, оковавъ злымъ деспотизмомъ волю своей жены, воображилъ,

что генеральша самая счастливая женщина въ свѣтѣ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, вѣрный закону Моисееву, онъ очень хорошо понималъ, что женщина создана единственно для того, чтобы быть орудіемъ мужчины, и на этомъ основаніи, не обращая вниманія на свою половину, онъ часто находилъ, что смазливья горничныя имѣють рѣшительное превосходство надъ его женой.. Но довольно. Ты сама лучше моего должна знать, можно ли *въ истинномъ смыслѣ* назвать съ твоей стороны обманомъ тотъ образъ дѣйствования, на который я предлагаю тебѣ рѣшиться. Небесное правосудіе не осудитъ тебя, милый другъ, и твоя совѣсть въ этомъ случаѣ можетъ быть совершенно спокойною. Даже я готовъ доказывать, что именно тогда была бы ты преступною, когда бы отказалась слѣдовать внушенію твоей любви. Я не люблю Кукольника, но онъ былъ правъ, когда сказалъ:

Не презирай любви:

Она отвѣтъ небеснаго огня.

Впрочемъ, изъ нынѣшней твоей записки я вижу, что ты готова одобрить мой совѣтъ. Будемъ, какъ и рѣшено, видѣться два раза въ недѣлю; одинъ—въ моей квартирѣ, другой—въ твоемъ домѣ, и я надѣюсь, что мы будемъ счастливы, не погубивъ ни твоего Николинки, ни твоего добраго имени. Будущее представимъ на волю Божию: въ три, въ четыре года много воды уйдетъ; я могу тогда сдѣлаться университетскимъ профессоромъ (а это *entre nous soit dit* право не хуже генеральства), издавать журналъ и получать тысячь тридцать годоваго дохода. Тогда авось придумаемъ что нибудь для вѣчнаго нашего соединенія, не разрушая счастья Николинки.

Жду, съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду тебя въ пятницу, въ восемь часовъ, жду, какъ небеснаго ангела, передъ которымъ съ восторгомъ паду я на колѣна, благодаря отъ всей души за блаженство, доставляемое твоимъ присутствіемъ. Но у тебя на нынѣшней недѣлѣ я не долженъ быть: очень немудрено, что мстительный латышъ, выгнанный изъ дому, успѣетъ внушить твоему мужу какія нибудь подозрѣнія; немудрено и то, что онъ постарается гдѣ нибудь встрѣтить меня съ пистолетомъ или ножомъ въ рукѣ, припомни—Гагарина тоже убилъ латышъ.

Совѣтую тебѣ нанимать всегда совершенно незнакомыхъ извозчиковъ; опасности тутъ итъ никакой, а между тѣмъ это лучшее средство избѣгнуть шпіонства и со стороны людей, и со стороны мужа.

X.

Контрактъ *).

Я, нижеподписавшійся, утверждаю, что г. Рейхенбахъ (имя вымышленное), который теперь отвергаетъ бытіе Бога и безсмертіе души человѣческой, спустя 20 лѣтъ отъ настоящаго времени, вслѣдствіе неизвѣстныхъ ни мнѣ, ни ему причинъ, совершенно измѣнится въ настоящемъ образѣ мыслей; утверждаю, что онъ торжественно, съ полнымъ убѣжденіемъ сердца, будетъ вѣрить и въ бытіе Бога, и въ безсмертіе души.—Если же къ тому времени будетъ онъ имѣть дѣтей, то сообщить имъ эти понятія и отнюдь никогда, ни въ какомъ случаѣ ни сыну, ни дочери не будетъ съ важностію доказывать, что нѣтъ Бога и что душа человѣческая не безсмертна. — Если же это дѣйствительно случится такъ, какъ я предполагаю, то онъ, Рейхенбахъ, обязанъ пѣшкомъ идти въ Парижъ.—Если же нѣтъ, т. е., если онъ, Рейхенбахъ, останется и при настоящемъ своемъ образѣ мыслей относительно вышеупомянутыхъ пунктовъ, и сообщить эти понятія своимъ дѣтямъ, то самъ я отправлюсь пѣшкомъ въ Парижъ.—Здѣсь же я обязуюсь, что никогда, ни въ какомъ случаѣ, не открою настоящей фамиліи г. Рейхенбаха. Но въ случаѣ неустойки его, я имѣю право открыть настоящую его фамилію правительству и принужу его законнымъ образомъ выполнить свое условіе.—Контрактъ сей заключенъ при двухъ нижеподписавшихся свидѣтеляхъ, которые также обязываются до извѣстнаго времени скрывать настоящую фамилію Рейхенбаха.

Контрактъ сей заключенъ 1838 года, декабря 1-го дня.

Принархъ Введенскій.

Рейхенбахъ.

Свидѣтели: *Валеріанъ Воропоновъ.*

С. Мизюковъ.

---

*) Документъ этотъ лежалъ въ запечатанномъ конвертѣ, на которомъ написано было: „1-го января, 1836 года. вскрытъ черезъ 20 лѣтъ...“

КОЛОСЪЯ

ЖУРНАЛЬ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

№ 11. — НОЯВРЬ. — 1884.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография С. Довгодѣва, Троицкій пер., № 32

1884